

*Д. О. Рожин**

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН В МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Историко-философский контекст преподавания философии в стенах Московской духовной академии (далее МДА) на сегодняшний день практически не раскрыт, и, как следствие, недооценено его функциональное значение для понимания генеалогии и содержания философских идей мыслителей, связанных с МДА. Цель статьи — реконструировать в общих чертах историко-философский контекст преподавания философских дисциплин в МДА в первой половине XIX века. Для этого анализируются источники, раскрывающие как общую концепцию, так и специфику преподавания философии в МДА. В результате показано, что несмотря на ограничения и рекомендации Устава духовных академий 1814 г. о приведении содержания дисциплин в соответствие текстам Священного Писания и ориентации на Платона, преподавание философии не ограничивалось текстами и идеями строгих богословов и последовательных платоников, но также включало обращение к самым разнообразным философским концепциям: волюнтаризму, кантианству и их противникам.

Ключевые слова: преподавание философии, Московская духовная академия (МДА), Устав духовных академий, Кутневич, Голубинский, Смирнов, Надеждин, Кастанальский, Модестов

Rozhin D. O.

HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL CONTEXT OF TEACHING PHILOSOPHICAL DISCIPLINES IN THE MOSCOW THEOLOGICAL ACADEMY IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

The historical and philosophical context of teaching philosophy within the walls of the Moscow Theological Academy (hereinafter MTA) has not been practically disclosed to

* Рожин Давид Олегович, Академия Кантиана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, научный сотрудник, кандидат философских наук; davidrozhin@gmail.com

** Данное исследование проведено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 075–15–2019–1929 «Кантианская рациональность и ее потенциал в современной науке, технологиях и социальных институтах», реализуемый на базе Балтийского федерального университета имени И. Канта (Калининград).

date. Therefore, its functional significance for understanding the genealogy and content of philosophical ideas of MTA-affiliated thinkers is underestimated. The purpose of this article is to present in general terms the historical and philosophical context of teaching philosophical disciplines in the MTA in the first half of the 19th century. For this purpose, the sources are analyzed, both showing the general concept, as well as the specifics, of teaching philosophy at the MTA. As a result, it is shown that despite the restrictions and recommendations of the Statutes of the Theological Academies of 1814 in the form of conformity to the texts of Holy Scripture and orientation to Plato, the teaching of philosophy was not limited to the texts and ideas of strict theologians and consistent Platonists, but also included reference to a wide variety of philosophical concepts: Wolfianism, Kantianism and their opponents.

Keywords: teaching philosophy, Moscow Theological Academy (MTA), Statutes of Theological Academies, Kutnevich, Golubinsky, Smirnov, Nadezhdin, Kastalsky, Modestov

ВВЕДЕНИЕ

Господство после Октябрьской революции марксистско-ленинской идеологии привело к тому, что история русской философии рассматривалась преимущественно с точки зрения истории материализма, и религиозно-философские институты оставались вне поля зрения советских исследователей. С середины XX века ситуация с исследованием духовно-академической философии несколько изменилась, тем не менее, она так и не стала предметом специального профессионального интереса [10]. Только с закатом советской эпохи стали появляться нейтральные по стилю и без идеологических оценок работы, посвященные духовным академиям и существовавшей в них философии. Последние три десятилетия ознаменованы специальными исследованиями, затрагивающими различные аспекты самой духовно-академической философии, а также подходы к ее изучению [9]. Тем не менее, историко-философский контекст преподавания философии в Московской духовной академии (далее МДА) на сегодняшний день остается мало раскрытым.

Под историко-философским контекстом преподавания философии я понимаю совокупность значимых для истории философии обстоятельств, в которых происходило становление и преподавание философских дисциплин. В свою очередь, под значимыми обстоятельствами понимаются те, которые связаны с созданием и развитием философских идей. Применительно к вопросу об историко-философском контексте преподавания философских дисциплин в МДА такими обстоятельствами являются, во-первых, общая концепция преподавания философии с точки зрения ее значения в высшем конфессиональном образовании Русской Православной Церкви; во-вторых, специфика преподавания философии в МДА, то есть методология и организация преподавания этой дисциплины; и, в-третьих, особенности формирования философских концепций у представителей дореволюционной духовно-академической среды. Реконструкция историко-философского контекста преподавания философских дисциплин, в частности в МДА, позволит, на мой взгляд, углубить понимание как генеалогии философских идей, так и их содержания у тех мыслителей, которые были включены в процесс преподавания. Я обращаюсь в своей статье

ко всем трем указанным обстоятельствам, причем третий фактор я раскрою на примере Ф. А. Голубинского. Для реконструкции всего контекста необходимо проанализировать: 1) документы, определяющие общую концепцию преподавания философии, а именно Устав духовных академий 1814 г.; 2) сведения, раскрывающие содержательную специфику преподавания философии: а) исторические исследования; б) сведения частного характера (воспоминания); в) преподавательские материалы для лекций. Далее на основе проведенного анализа источников, определить характерные черты преподавания философии в МДА в первой половине XIX века, а также прояснить их связь с общей концепцией преподавания философии в духовных академиях.

ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН В ДУХОВНЫХ АКАДЕМИЯХ

Начиная с первых лет существования МДА и вплоть до 1869 г., когда был утвержден новый Устав духовных школ, действовал Устав 1814 г., который не только регламентировал правила внутреннего порядка жизни православных духовных академий, вопросы приема и увольнения персонала, воспитания учащихся и экономики, но и устанавливал в целом конкретную «философию» образования. Одним из его составителей был тогда еще архимандрит свт. Филарет Дроздов, который к моменту составления Устава 1814 г. был ректором Санкт-Петербургской духовной академии и имел опыт преподавания философии в Александро-Невской семинарии [21]. Более того, у митр. Филарета был собственный опыт поступления и обучения в философском классе в «Лаврской семинарии» (впоследствии здесь была открыта МДА).

Философия, согласно Уставу 1814 г., должна преподаваться в отдельном классе философских наук в два этапа. Первый предполагает знакомство с философской терминологией, второй — изложение «о каждом предмете мнений славнейших Философов», сравнение их между собой и приведение к общему началу, с целью дать понятие об истинном духе философии и познакомить с лучшими методами философских исследований [14, с. 53–54]. Таким образом, сначала проводится аналитическая работа на занятиях, включающая в себя: 1) операционализацию рабочих понятий; 2) знакомство с философскими концепциями. Затем следует сравнительно-аналитическая деятельность, предполагающая сопоставление различных философских концепций, с целью определения базовых принципов философствования. Под «приведением к общему началу» вполне можно подразумевать использование синтетических исследовательских методов, необходимых для создания новых философских концепций.

Далее Устав 1814 г. устанавливает содержательные границы и вместе с тем два главных ориентира для философствования. Что касается границ, то они показаны через понятия истины и лжи, критерием для которых выступает Священное Писание, соответственно, истинным является то, что согласно со Священным Писанием, ложным — что не согласно. В тексте Устава встречается словосочетание «истинная Философия», под которым понимается

«Евангельская истина», соответственно, что не согласно с «истинным разумом» Священного Писания — «ложь и заблуждение». Вероятно, что такая позиция могла быть сформирована под влиянием средневековой схоластики, в рамках которой философия — служанка богословия, тогда возражений касательно противоречия между понятиями «философия» и «богословие» в Уставе не возникает. Но текст Устава создавался тогда, когда философия в Европе уже вышла из-под опеки христианского богословия, а в некоторых случаях даже встала на вооружение против христианства. В таком контексте религиозное мышление воспринималось как догматическое, оппозицией которому, пускай и не во всех случаях, как раз и выступало философское мышление. Можно предположить, что, в связи с этим фактом в Уставе имеется отсылка на «первого столпа истинной Философии» — Платона, который жил задолго до появления христианской веры [14, с. 54–55]. По сути, взгляды Платона предлагаются как ориентир для философствования, который укладывается по замыслу составителей Устава в рамки христианского сознания, но при этом его тексты не являются частью христианского Предания. Отсюда объективный идеализм Платона в Уставе играет роль идеальной модели философствования, которая позволяет оставаться верным текстам Священного Писания Ветхого и Нового Заветов и одновременно философствовать в тех традициях европейской философии, которые были заложены Платоном и определялись его же идеями.

О том, что идеи Платона имели высокое значение для образования в духовных академиях, свидетельствует еще тот факт, что Устав рекомендует читать не выдержки из сочинений Платона, а подлинники. Вместе с тем в Уставе звучит следующая рекомендация: «Из новейших философов тех должно предпочтительно держаться, кои ближе его (Платона — прим. Рожин) держались» [14, с. 55]. Такая рекомендация на мой взгляд давала возможность преподавателям философских дисциплин привлекать широкий спектр как древних, так и современных философских концепций, так как не существовало жесткой классификации, кого считать платоником, а кого нет. К тому же текст Устава ничего не говорит о запрете знакомства с условно враждебными христианству и религиозному сознанию философскими концепциями. Поэтому ориентация на Платона в вопросах философствования была не только ограничительной мерой, но и мостом к нерелигиозной философии.

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОСОФИИ В МДА

Устав 1814 г. предназначался для всех духовных академий и, соответственно, содержал общие установки и рекомендации, в то время как специфику преподавательской практики в МДА возможно раскрыть посредством обращения к историческим исследованиям, к сведениям частного характера и преподавательским материалам для лекций.

Относительно исследований истории МДА в XIX в. можно выделить очерк студента МДА 1840–1844 гг. и впоследствии ее ректора С. К. Смирнова, который на сегодняшний день является основным источником о преподавании философских дисциплин в рассматриваемый период.

Смирнов сообщает, что в МДА наряду с прочими был создан класс по философии [17, с. 12], в котором 23 октября 1814 года начал читать лекции по введению в философию, по истории философских систем и по опытной психологии И. К. Носов [17, с. 45]. Историю философии Носов читал с опорой на «Критическую историю философии»^{*} И. Я. Бруккера, опытную психологию вероятно с опорой на «Объяснение логики, метафизики и практической философии в соответствии с руководством Федера» Ф. С. Карпе. Важно отметить, что указанные пособия имеют в той или иной степени следы лейбнице-вольфианской философии, а их авторы связаны с вольфианской школой.

Носов преподавал ровно один год, после чего ему на смену пришел В. И. Кутневич, который за 9 лет педагогической деятельности заложил не только традицию преподавания философских дисциплин в МДА, но и создал условия для появления если не философской школы, то отдельного философского направления в русской духовно-академической философии. Относительно Кутневича примечательны два факта. Он ежегодно выписывал для академии современные философские работы, издававшиеся на западе: И. Канта, И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинга, Ф. Г. Якоби, историю философии В. Г. Теннемана [17, с. 46] и с помощью таких книг знакомил своих слушателей с новейшими философскими учениями. Так только в 1823 г. Кутневич выписал философские книги на общую сумму 349 рублей [17, с. 284–285], в то время как, например, зарплата члена цензурного комитета при МДА составляла 800 рублей в год [17, с. 98]. Здесь стоит заметить, что знакомство студентов МДА с современной немецкой философией быстро принесло свои плоды. Так уже в 1816 г. было создано студенческое научное сообщество «Ученые беседы», где был председателем тогда еще студент Ф. А. Голубинский, впоследствии пришедший на смену Кутневичу, и на встречах которого обсуждались смысл и значение современной немецкой философии [1, с. 440–441].

Кутневич читал в МДА лекции по введению в философию, логике, опытной психологии и истории философии [17, с. 46]. По свидетельству одного из студентов свои лекции по истории философии Кутневич читал по уже упоминавшимся Бруккеру и Теннеману, а также по И. Г. Буле^{**} [12, с. 186], Д. Тидеману^{***} и Ж. М. Дежерандо^{****}, опытную психологию и логику — по учебнику Карпе [17, с. 47]. Примечательно, что в отличие от Носова Кутневич преподавал историю философии не по одному учебнику, а привлекал сразу несколько историко-философских работ, авторы которых явно не были причастны к одной философской традиции.

Относительно объема учебных часов Смирнов указывает, что в философском отделении занятия по философии проходили с понедельника по пятницу ровно 2 полных часа — с 9 до 11 утра. Именно такое расписание было в сентя-

^{*} *Historia Critica Philosophiae*.

^{**} Вероятно, имеется ввиду восьмитомник «*Lehrbuch der Geschichte der Philosophie und einer kritischen Literatur derselben*» (1796–1804).

^{***} Возможно речь идет о шеститомнике «*Geist der spekulativen Philosophie von Thales bis Berkeley*» (1791–1797).

^{****} Скорее всего, имеется ввиду его работа *Histoire comparée des systèmes de philosophie, considérés relativement aux principes des connaissances humaines* (1804).

бре 1814 г. [17, с. 168]. В 1840 г. была введена новая программа преподавания в духовных учебных заведениях, согласно которой преподавание философии в семинариях заменялось курсом логики и психологии, а в духовных академиях сокращались часы преподавания [19, с. 106]. Но уже в 1844 году расписание вновь изменилось, в частности, вместо 2 часов время каждого занятия сократилось до 1,5 часов, а также прибавлен еще один урок по философии. Таким образом, в совокупности для философии стало выделяться 3 полных часа, единственное, остается непонятным это количество часов читалось в день или в неделю. Что касается системы контроля и оценки, то помимо устных экзаменов, студенты в первые два года обучения должны были написать 5 сочинений по философии, при этом до 1844 г. 2 из них должны были быть написаны на латыни [17, с. 169–171].

Неотъемлемой частью учебного процесса в МДА, в соответствии с Уставом 1814 г., была библиотека. Выпиской книг занимались «наставники», то есть преподаватели академических классов. Смирнов упоминает, что Кутневич, а вслед за ним и Голубинский, выписали для библиотеки много книг. Тем не менее, Смирнов не вдается в подробности, в каком количестве и какие книги, связанные с философией, были в академической библиотеке, а лишь упоминает, что в 1816 г. были выписаны: 1) 4-й том «Работ Иммануила Канта по критической философии» переведенный на латынь и изданный Г. Ф. Борном^{*}; 2) «Сравнительная история систем философии по отношению к принципам человеческого знания» Дежерандо^{**}; 3) «История философии» Теннemann^{***}; «Дух спекулятивной философии» Тидемана^{****} [17, с. 284–285]. Что касается латинского издания работ Канта, то Н. Хинске отмечает, что именно это издание было определяющим для Восточной Европы, и это учитывая то, что до 1838 г. не было полных собраний сочинений Канта [20, с. 160]. Поэтому факт наличия хотя бы одного из четырех томов латинского перевода работ Канта в библиотеке МДА является довольно значимым для истории отечественной философии.

Вторым типом источников для формирования представления о роли преподавания философских дисциплин являются частные воспоминания выпускников. Наиболее раннее из обнаруженных относится к Н. И. Надеждину (не следует путать с профессором Московского университета Н. И. Надеждиным), являвшегося студентом МДА в 1832–1834 гг. Надеждин описывает процесс поступления, который включал в себя сочинение по философии на латинском языке. Надеждин сообщает, что сочинение некоторые писали целый день, причем в номерах. Пользоваться можно было любыми пособиями. Затем следовали устные испытания по философии [18, с. 53–54]. Из десяти преподавателей на первом курсе трое были по философии, среди которых был и профессор Ф. А. Голубинский. Надеждин сообщает, что среди философских дисциплин были опытная психология, метафизика, история систем

^{*} Immanuelis Kantii opera ad philosophiam criticam. Lat. vertit F. G. Born.

^{**} Histoire comparée des systèmes de philosophie, relativement aux principes des connaissances humaines.

^{***} Geschichte der Philosophie.

^{****} Geist der spekulativen Philosophie.

философских. С особенным любопытством, по его свидетельству, студенты ждали лекций Голубинского [18, с. 65–67].

Далее Надеждин описывает первые лекции Голубинского, которые были посвящены «введению в философию» и свое впечатление от них: «Прослушав все эти лекции, я пришел к тому заключению, что Голубинский философ истинный, но лекции его будут, кажется, скучноваты, что и оправдалось вскоре» [18, с. 68]. Затем Голубинский приступил к чтению истории философских систем. Здесь интересна следующая заметка Надеждина: «[...] историю эту он не рассказывал, а именно читал по книге, иногда и не по одной, а по двум или более, а книги эти были немецкие, потому он читал нам, переводя прямо с немецкого [...]» [18, с. 69–70]. Такого рода лекции, конечно, не могли быть интересны студентам младших курсов академии, поэтому снижение интереса Надеждина вполне оправданно: «[...] проскучав несколько чтений Феодора Александровича, начали мы мало-помалу уклоняться от них, так что в половине первой трети года учения стало являться к нему в класс не больше половины студентов, а потом и еще менее» [18, с. 70].

По свидетельству Надеждина все лекции в академии были двухчасовые, хотя редко преподаватели проводили все два часа, чаще полтора часа или один час сорок пять минут. И все же иногда лекции Голубинского возбуждали интерес студентов:

«Изредка случалось, однако же, что он вставал со своего места и начинал ходить по классу, объясняя или опровергая какое-нибудь мнение того или другого древнего философа; в таких случаях объяснения его становились для нас очень интересными [...]» [18, с. 70].

Голубинский больше посвящал внимания философским взглядам философов древности: Платону, Конфуцию, Зороастре, Пифагору, о новых философях, по свидетельству Надеждина, от него ничего не слышали [18, с. 70]. Вспоминает Надеждин о сочинении по философии на первом курсе, заданное Голубинским на тему: «Можно ли чувство удивления считать началом философии, как некоторые полагали?» (Надеждин отмечает, что формулировка примерная, но смысл точный). Во время дальнейшего обучения Надеждин стал пропускать занятия по логике и истории философии как «более других скучные» [18, с. 75–78]. Сведения Надеждина примечательны тем, что позволяют хоть в какой-то мере представить обстановку на лекциях Голубинского глазами студента-новичка и немного приоткрывают завесу тайны содержания его занятий.

Другим выпускником, оставившим воспоминания о годах своего пребывания в стенах МДА, был Д. И. Кастальский, учившийся в 1840–1844 гг. На его первом курсе состав преподавателей философских дисциплин изменился, при этом профессором по философии оставался Голубинский, которого он нескромно характеризует «столпом Академии и патриархом философов». Голубинский читал два предмета: метафизику и историю древней философии, помимо которых были еще логика, история новой философии, психология и нравственная философия [18, с. 84]. Что касается характеристики лекций Голубинского, то Кастальский пишет следующее:

«он любил распространяться о древней философии, об индийцах и китайцах, о Платоне. Часто он приносил с собой большую охапку книг, чтобы вычитывать из них те места, которые ему нравились [...] он был весьма осторожен в словах, боялся говорить нам много о новых немецких системах, хотя знал их весьма основательно. Правда, читал он нам о Гегеле, но не дал полного понятия о нем [...]» [18, с. 85].

Что касается непривлекательного характера лекций Голубинского, упомянутого у Надеждина, то он сохранился. В частности, Кастальский обращает внимание, что Голубинский «блестеть не любил и не увлекал молодых слушателей», а его лекции были более предназначены для «более разумных и знающих» [18, с. 85]. Несколько необычно то, что Кастальский дает оценку философским взглядам Голубинского:

«Собственная его философия не отличалась оригинальностью, но зато везде дышала благочестием и чистой нравственностью [...] он был нелицемерно благочестив и воистину христианский философ. Система его была эклектическая, и по характеру больше идеальная» [18, с. 85].

Что касается познаний самого Голубинского, то знал он «бездну»: «Он знал в совершенстве древнюю классическую литературу, новую немецкую и французскую, древнюю и новую философию, многих св. отцов, глубоко изучил Св. Писание» [18, с. 85]. Упоминает Кастальский и о своих интересах в области философии, а именно, его на младших курсах занимали философские идеи Гердера, о которых он узнавал из первоисточников. Но несовершенное знание немецкого языка помешало ему познакомиться с ними поближе [18, с. 93].

В 1852–1856 гг. академический курс проходил С. С. Модестов. При поступлении он писал сочинение по философии на латыни на тему «справедливо ли мнение древних, что есть душа мира». В повествовании Модестова о преподавании философских дисциплин снова центральной фигурой становится Голубинский. Модестов указывает, что Голубинский читал философию в «православном духе», не увлекаясь рассуждениями иностранных философов. Рассказывал Голубинский традиционно о китайских, индийских и древнегреческих философах. На курсе Модестова Голубинский закончил свою преподавательскую деятельность, а его место занял В. Д. Кудрявцев. О прочих философских дисциплинах, помимо метафизики и истории философии, Модестов упоминает еще психологию «по системе Генике^{*}» и логику «по системе английского писателя Бэкона» [18, с. 114–120].

Воспоминания выпускников затрагивают обширный период истории МДА, а именно, с 30-х годов до середины 50-х XIX века, где ключевой фигурой в отношении преподавания философских дисциплин выступает Голубинский. Голубинский продолжил традицию преподавания истории философии по немецким учебникам. Специализировался Голубинский, согласно рассмотренным воспоминаниям, на философах древности, и мало говорил о современной философии, что Кастальский объясняет боязнью Голубинского говорить о новых немецких системах. О том, что последнее утверждение не совсем соответствует

* Здесь, вероятно, опечатка и речь идет о Ф. Э. Бенеке.

действительности, пойдет речь несколько позже. Состав философских предметов, указанных в воспоминаниях выпускников, отличается от того, что мы встречаем у Смирнова. В частности, помимо введения в философию, логики, опытной психологии и истории философии, встречаются метафизика и нравственная философия.

Ф. А. ГОЛУБИНСКИЙ И ЕГО «ЛЕКЦИИ ФИЛОСОФИИ»

Из Устава 1814 г. мы узнаем, что по каждому предмету профессор должен был представить конспект лекций [14, с. 43–44]. Это очень важная деталь, показывающая, во-первых, отсутствие конкретных образовательных стандартов и методичек, во-вторых, что содержание лекций было почти полностью в компетенции самих преподавателей. Конечно, конспекты проверялись надзорными органами, но оставалось пространство для новаторства и оригинальности. Следовательно, преподаваемые курсы имели свою уникальность, в некоторой мере обусловленную личностью и философскими предпочтениями каждого отдельного преподавателя. В МДА, как было показано, основную тональность в процессе преподавания философских дисциплин задавал Голубинский.

Голубинский начинает читать лекции по истории философских систем в 1818 г. и заканчивает в 1822 г., с 1822 г. он читает метафизику и нравственную философию, а с 1824 г. после ухода из МДА Кутневича читает введение в философию, с 1830 г. по 1842 г. — «историю систем философских» [17, с. 390], с 1842 г. по 1854 г. — преподает метафизику студентам первого курса, а студентам второго курса — историю древней философии [17, с. 47–48].

Свои лекции Голубинский готовил следующим образом: в качестве пособия для учения об уме и его идеях он использовал сочинения Платона и Ф. Г. Якоби; для рационального богословия — работу П. Пуаре «Рациональные размышления о Боге, душе и зле книга IV», философские сочинения Ф. Баадера, «основное учение религии»* Г. Ф. Зейлера; для рациональной психологии — снова Пуаре, а также сочинение Х.А.Г. Клодиуса «О Боге в природе, в истории человечества и в сознании»; для космологии — неназванные работы по космологии Якоби и Г. Г. Шуберта [17, с. 49]. Все представленные предметы преподавались в рамках курса метафизики. Здесь примечателен тот факт, что Голубинский не использует какой-то один учебник популярной в то время в России вольфианской метафизики, но опирается на разных авторов в разных отделах метафизики, тем или иным образом принадлежащих к религиозно-мистическому направлению в философии, и при этом, кроме Пуаре, являющихся современниками Голубинского. Известно еще то, что Голубинский на занятиях по немецкому языку переводил со студентами жизнь Сократа Мендельсона**, фрагменты истории философии Теннемана и Буле,

* Вероятно, «Die Religion nach Vernunft und Bibel in ihrer Harmonie, vornehmlich für Studierende, dann auch für Leser, die einige Fertigkeit im Denken haben» (1798).

** Предположительно, речь идет о фрагментах произведения М. Мендельсона «Федон, или о бессмертии души в трех разговорах».

«Историю души» Шуберта, рассуждения И.Г.К.Х. Кизеветтера, Якоби, Х.А.Г. Клодиуса, фрагменты сочинений И. Арндта и Зейлера, а также читал историю немецкой литературы [17, с. 62–63]. Также известно, что Голубинскому было поручено в 1830 г. составить учебник по философским наукам, который он начал составлять, но не успел закончить [17, с. 114].

Главным источником о времени преподавания Голубинского в МДА служат конспекты студентов его лекций по философии. Известно две попытки публикации указанных лекций. Первая была предпринята учеником Голубинского В. Назаревским в 1868 г. на основании лекций Голубинского, прочитанных в 1841/2 учебном году [2]. В результате в свет вышли «Лекции по умозрительному богословию». Несколько позднее также по записям Назаревского была издана «Умозрительная психология» (1871) [7]. В 1884–1886 гг. были изданы четыре выпуска лекций Голубинского. Первые два выпуска напечатаны на основании лекций Назаревского [3, с. 5; 4, с. 3] и включают в себя введение в философию и онтологию, в первом отделении которой рассматриваются учение о пространстве и времени и учение о категориях, во втором — учение о Бесконечном [4]. В 3-м выпуске напечатана более подробная вторая редакция конспектов Назаревского, посвященных учению о категориях. 4-й выпуск представляет собой перепечатанные «Лекции по умозрительному богословию» 1868 года, которые были дополнены кратким наброском к лекциям по умозрительному богословию самого Голубинского [6, с. 3], а также записями лекций А. И. Смирнова и В. Н. Троицкого [6, с. 3]. Конспекты Смирнова датируются около 1830 года [3, с. 5], конспекты Троицкого датированы 1842 годом [6, с. 79]. Также есть сведения о том, что предполагалось издать полный курс академических чтений Голубинского, куда должны были войти лекции по космологии, этике, истории философских систем и эмпирической психологии, что так и не было сделано. Наконец, сохранилось свидетельство, что некогда были сделаны подробные записи лекций Голубинского по истории древней философии и критический разбор философии Гегеля, о местонахождении и состоянии которых сейчас ничего неизвестно [3, с. 5].

Анализируя дошедшие до нас конспекты лекций Голубинского, можно сделать заключение, что его философия облечена в форму метафизической системы, напоминающей метафизику Х. Вольфа, но отличающейся от нее последовательностью основных разделов: рациональной психологией, рациональной космологией и рациональной теологией. Как у Вольфа, так и у Голубинского метафизика предваряется онтологией, но дальше Вольф рассматривает субъект и его саморефлексию, переходит на мир и в конечном итоге восходит к познанию всесовершеннейшего Существа — Бога, в то время как в метафизике Голубинского следует сперва умозрительное (рациональное) богословие, затем рациональная психология и космология [22]. Несмотря на структурное расхождение русский философ явно следует традиции вольфианской школы в построении своей философской системы.

В изложении материала лекций Голубинский придерживается сочетания историко-философского и критического подходов, при этом в лекциях отсутствуют ссылки на источники, что лишь позволяет сделать косвенные выводы относительно тех произведений, которые он использовал для подготовки.

Голубинский, например, перед тем как сформулировать свое определение метафизики, перечисляет и анализирует определения Х. Баумейстера, Лейбница, И. Г. Дарьеса, И. Канта, Г. И. Венцеля, Ф.В.И. Шеллинга, И. Б. Шада, Ф. С. Карпе [3, с. 67–68]. Также Голубинский поступает и в отношении понятия «бытие»: он использует определения «школы Вольфа», Дж Локка, Х. Шейблера, А. Баумгартена, Канта, И. Х. Лоссиуса [4, с. 10–14]. В другом месте Голубинский также обращается к определениям «бытия» Х. А. Крузиуса, Х. Вольфа, Г. Б. Бильфингера, Карпе [5, с. 67–72]. При разработке собственной концепции пространства и времени, Голубинский обращается к идеям Канта, но не непосредственно, а, вероятнее всего, к краткому пересказу из книги В. Т. Круга «Справочник по философии и философской литературе»^{*} [4, с. 33]. Отдельно следует упомянуть о том особом внимании, которое Голубинский уделяет в лекциях Канту. Это выражено как в объеме, который занимают размышления Голубинского о Канте: русский философ довольно подробно разбирает кантовский взгляд на пространство и время и на систему категорий чистого рассудка, так и в содержании: Голубинский, несмотря на принципиально отличную от Канта позицию в отношении метафизики, многое заимствовал у немецкого мыслителя, в частности метафизическое истолкование пространства, времени и рассудочных категорий, а также этико-теологический аргумент в пользу бытия Бога [16; 22].

Представленные воспоминания о Голубинском Смирнова и ссылки на различные определения философских понятий могут служить одним из аргументов в защиту того тезиса, что в МДА была создана среда для философского эклектизма. Это утверждение может показаться не совсем обоснованным, так как приводить дефиниции того или иного автора, не означает принимать или соглашаться с ними, и это верно. Речь здесь идет об отсутствии жесткой цензуры в использовании источников, что ясно показывают лекции Голубинского. Так русский философ обращается к протестантским теологам (Пуаре, Баадер, Зейлер, Клодиус, Шуберт, Арндт, Шейблер), к Х. Вольфу, Лейбницу и представителям лейбнице-вольфианской философии (Баумейстер, Дарьес, Карпе, Баумгартен, Бильфингер), к представителям немецкой классической философии (Кант, Шеллинг), к сочувствующим кантовской философии мыслителям (Кизеветтер, Венцель, Круг), к критикам европейского рационализма (Лоссиус, Якоби, Крузиус), к британскому эмпиризму (Локк).

Примечательно, что в очерке Смирнова приводятся только авторы религиозно-философского направления, учитывая, что сам Смирнов учился с 1840 по 1844 гг., а опубликованные лекции Голубинского были записаны в 1841/2 учебном году, хотя и частично были дополнены конспектами лекций 1830 и 1842 гг. Это недоумение может быть разрешено тем, что Голубинский необязательно обращался к работам всех названных мыслителей, а определения мог заимствовать, например, из многотомной истории философии Буле, а студентам в качестве учебного пособия давать работы религиозных философов. Несколько иначе процесс преподавания философии Голубинским представляется, если учитывать особенности содержания изданных лекций, а именно, значительное количество от объема всех лекций занимает кантовская филосо-

^{*} Handbuch der Philosophie und der philosophischen Literatur.

фия и ее критика. Это, во-первых, вступает в противоречие с воспоминаниями Модестова и Кастальского о том, что Голубинский мало говорил или боялся говорить о современной немецкой философии, хотя они могли и не включать Канта в разряд современных философов. Во-вторых, вновь свидетельствует о некоторой самостоятельности Голубинского в вопросах подбора материала и его изложения.

Еще один немаловажный вопрос, почему большая часть авторов, использованных Голубинским — представители немецкой философии? Здесь может быть указано несколько причин. Во-первых, Голубинский знал немецкий язык и еще в студенческие годы читал немецкую философскую литературу, о чем ранее уже упоминалось. Во-вторых, между немецкой и российской культурой в рассматриваемый период были тесные связи, что также выразилось в частых приглашениях немецких преподавателей в Россию [12, с. 144–189, 282–297, 348–361, 386–388]. В-третьих, вольфианская и немецкая классическая философия довольно быстро приобрели известность в Европе, в этом отношении российские мыслители не могли игнорировать европейскую философию. Единственное, что остается не до конца понятным, почему Голубинский обращался именно к протестантским теологам, а не католическим. Были ли на то причины идеологического характера, или это связано со знанием других европейских языков, носителями которых были католики, остаётся открытым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ первого Устава духовных академий 1814 г. показал, что к моменту составления этого документа концепция богословского образования в духовных академиях в качестве значимого компонента предполагала не только философский блок дисциплин, но и целое образовательное направление, в котором, как минимум в первый год действия Устава, выделялось 10 полных часов в неделю на философские предметы. Учитывая тот факт, что МДА и первый Устав духовных академий ровесники, вполне естественно, что программа преподавания философских дисциплин в первые годы могла проходить апробацию и меняться. Динамику этих изменений (в частности, состав философских предметов) можно проследить по рассмотренным в статье очерку Смирнова и воспоминаниям выпускников МДА. Тем не менее, они укладывались в идею методологии «двухэтапного» преподавания философских наук в отдельном классе.

Логика и введение в философию знакомили студентов со специальной терминологией, история философии — с идеями различных философов, что служило почвой для последующей сравнительно-аналитической деятельности. Наконец, опытная (эмпирическая) психология и метафизика могли представлять собой и представляли (в случае Голубинского) положительную философию, конечный философский продукт, как результат сравнения и поисков. Важно и то, что Устав для такого конечного продукта предлагал цензурные ограничения посредством критерия соответствия текстам Священного Писания. В то же время, объективный идеализм Платона фиксируется в тексте Устава как иде-

альная модель философствования, с одной стороны, устанавливающая рамки для преподавания философских дисциплин в академиях, с другой стороны, создающая «форточку» в мир нерелигиозной (а значит, неприемлемой с точки зрения духовной цензуры) философии.

Из анализа источников, раскрывающих специфику преподавания философских предметов, стало ясно, что академические преподаватели преимущественно обращались к работам немецких авторов. С одной стороны, в качестве пособий использовалась религиозно-философская литература немецких протестантских теологов, с другой стороны, происходило обращение к вольфианцам, антивольфианцам, к кантианцам и антикантианцам. Таким образом, мы увидели на примере МДА, что, несмотря на ограничения и рекомендации Устава 1814 г., преподавание философских дисциплин, хотя и было идеологически обусловленным, тем не менее, не ограничивалось текстами и идеями строгих богословов и последовательных платоников, напротив в качестве материала использовались самые разнообразные философские концепции, что безусловно формировало особую интеллектуальную среду в МДА, характеризующуюся живым интересом к современной немецкой философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глаголев С. С. Прот. Ф. А. Голубинский: (Его жизнь и деятельность) // Богословский вестник. — М., 1897. — Т. 4. — № 12. — С. 437–482.
2. Голубинский, Ф. А. Лекции по умозрительному богословию. — М: Синодальная типография, 1868. — 232 с.
3. Голубинский, Ф. А. Лекции философии профессора Московской Духовной Академии Ф. А. Голубинского. — Вып. 1. — М.: Тип. Л. Ф. Снегирева, 1884. — 81 с
4. Голубинский, Ф. А. Лекции философии профессора Московской Духовной Академии Ф. А. Голубинского. — Вып. 2. — М.: Тип. Л. Ф. Снегирева, 1884. — 97 с.
5. Голубинский, Ф. А. Лекции философии профессора Московской Духовной Академии Ф. А. Голубинского. — Вып. 3. — М.: Тип. Л. Ф. Снегирева, 1884. — 171 с.
6. Голубинский, Ф. А. Лекции философии профессора Московской Духовной Академии Ф. А. Голубинского. — Вып. 4. — М.: Тип. Л. Ф. Снегирева, 1886. — 204 с.
7. Голубинский, Ф. А. Умозрительная психология / Ф. А. Голубинский // Чтения покойного профессора Московской духовной академии, протоиерея Федора Александровича Голубинского. — М.: Изд-во Университетской типографии (Катков и Ко), 1871. — 144 с.
8. Горский, А. В. Дневник: [16 августа 1840–27 января 1860 г.] / Изд. с примеч. С. К. Смирнова // Прибавления к Творениям св. Отцов. — 1884. — Ч. 34. — Кн. 4. — С. 303–365 (1-я пагин.). (Продолжение.)
9. Коцюба, В. И. «...К большему и большему расширению кругозора философской мысли»: духовно-академическая философия в постсоветских историко-философских исследованиях на рубеже XX–XXI вв. / В. И. Коцюба // Электронное научное издание альманах пространство и время. — 2018. — № 1–2 (16).
10. Коцюба, В. И. Репрезентация духовно-академической философии в советской историко-философской и религиозноведческой литературе / В. И. Коцюба // Религиоведческий интернет-портал «Религиозная жизнь» // URL: <https://religious.life/2015/03/>

representatsiya-duhovno-akademicheskoy-filosofii-v-sovetskoj-istoriko-filosofskoy-i-religiovedcheskoj-literature/ (дата обращения 12.10.2022).

11. Круглов, А. Н. Преподавание логики в Императорском московском университете XVIII века / А. Н. Круглов // Логико-философские штудии. — 2020. — Т. 18, № 2. — С. 161–195.

12. Круглов, А. Н. Философия Канта в России в конце XVIII — первой половины XIX веков / А. Н. Круглов; Российский гос. гуманитарный ун-т. — М.: «Канон +»; РООИ «Реабилитация», 2009. — 567 с.

13. Московская духовная академия // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2564190.html> (дата обращения 14.10.2022).

14. Проект Устава духовных академий. — Ч. I. — СПб: типография И. Иоаннесова, 1814. — 94 с.

15. Проект Устава духовных академий. — Ч. II. — СПб: типография И. Иоаннесова, 1814. — 42 с.

16. Рожин, Д. О. Рецепция гносеологических идей И. Канта в метафизике Ф. А. Голубинского / Д. О. Рожин // Кантовский сборник. — 2021. — Т. 40. — № 1. — С. 97–123.

17. Смирнов, С. К. История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870). — М.: Университетская типография (М. Катков), 1879. — 632, XVI с.

18. У Троицы в Академии. 1814–1914 гг.: Юбил. сб. ист. материалов. — Москва: Изд. бывш. воспитанников Моск. духов. акад., 1914. — XII, 772 с., 11 л. ил., портр.; 28.

19. Федоров, В. А. Русская Православная Церковь и государство. — М.: Русская панорама, 2003. — 480 с.

20. Хинске, Н. Кантианство, кантоведение и кантофилология. Размышления об истории рецепции кантовской мысли / Н. Хинске // Историко-философский ежегодник. — 2015. — Т. № 30. — С. 154–173.

21. Шохин, В. К. Святитель Филарет в истории русской философии / В. К. Шохин // Альфа и омега. — 2006. — № 4 (11). URL: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/011/011-shoh.htm> (дата обращения 02.12.2022).

22. Rozhin, D. O. Kant's ethical-theological argument for God's existence in Fyodor Golubinsky's rational theology // SHS Web of Conferences: 12th Kant-Readings International Conference «Kant and the Ethics of Enlightenment: Historical Roots and Contemporary Relevance», Kaliningrad, 21–25 апреля 2019 года. Vol. 161. — Kaliningrad: EDP Sciences, 2023.